

✦ Классическое наследие

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР*

ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ. ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ЦЕРКОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ**

Аннотация: В публикуемом фрагменте рассматриваются разные исторические способы формирования жречества, отличия жреческой функции от правительственной и знахарской, такие этапы эволюции жречества, как формирование политеистических и монотеистических жречеств.

Abstract: In this part of the text Spencer considers various historical ways of the formation of priesthood, the differentiation between priestly function and governmental and medical functions, and such stages in the evolution of priesthood as the formation of polytheistic and monotheistic priesthoods.

Ключевые слова: религиозные институты, светское и священное, дифференциация, жречество, политеизм, монотеизм.

Keywords: religious institutions, the secular and the sacred, differentiation, priesthood, polytheism, monotheism.

Глава V. Правитель как жрец

§ 602. В главах XIV и XV части первой мы видели, что согласно примитивной Теории Вещей здешняя жизнь и здешний мир находятся в тесных отношениях с потусторонней жизнью и потусторонним миром. Как мы предположили в конце предыдущей главы, одним из многочисленных результатов является то, что на всем протяжении ранних стадий социальной эволюции светское и священное почти никак не различаются.

Говоря о религии и политике, Хук отмечает, что «в восточных районах Азии они составляли в прошлом единое целое, насколько мы можем судить по древним преданиям... Империи присваивалось название *небо*, а суверен называл себя *Богом*». Насколько тесно переплетенными воспринимались материальный и духовный миры древними эфиопами, хорошо видно из переведенной Масперо таблички, в которой описывается, как они выбирали царя.

«Тогда сказал каждый их них [собравшихся] своему товарищу: “Воистину так! С тех пор, как было небо, с тех пор, как была царская корона... Ра велел отдавать ее

* Продолжение, начало в предыдущих выпусках. Перевод сделан по изданию: *Spencer H. The Principles of Sociology. Vol. III. N.Y.: D. Appleton and Company, 1900. P. VII, 3-175.*

** Перевод статьи публикуется в редакции переводчика.

своему сыну, которого он любит, так чтобы царь был образом Ра среди живущих. И разве Ра не поселился в этой земле, чтобы земля эта пребывала в мире?" Потом сказал каждый из них своему товарищу: "Но разве Ра не ушел на небеса, и разве не пустует без царя его место?..." А посему все погрузились в траур, говоря: "Стоит Господин среди нас, а мы этого и не знаем!"» [Наконец собравшиеся соглашаются пойти к Амону-Ра, «который бог Куша», и попросить его, чтобы он дал им их «Господина, чтобы ожить» их. Амон-Ра отбирает одного из Царственных Братьев. Новый царь преклоняется перед Амоном-Ра «и, обоняя землю, говорит: "Приди ко мне, Амон-Ра, Владыка престолов обоих миров"».]

О древних перуанцах мы, опять же, читаем:

«Если имущества царя не хватало для покрытия чрезмерных расходов на войну, то было еще имущество Солнца, которое Инка, будучи законным ребенком и наследником этого Божества, считал своим».

Если из примитивной веры в то, что двойник умершего в конце концов вернется и возобновит его жизнь, возникает представление, что сын, который владеет его собственностью и служит ему, используя для этого приносимые ему доходы, является не более чем его представителем, то это соединение светского со священным будет ее королларием. Читая о новокаледонцах, что на о-вах Токелау «король, Туи Токелау, является также верховным жрецом», а «их великого бога зовут Туи Токелау, или королем Токелау», мы видим типичный пример союза, вытекающего из этого предполагаемого наместничества.

§ 603. Хотя разрастание семьи в группу семей – увенчивающееся образованием деревенского сообщества, включающего часто и усыновленных чужаков, – предполагает, что патриарх утрачивает тройкий характер домашнего, политического и церковного главы, его характер остается двояким: он по привычке сохраняет за собой, как в только что приведенном случае, функции правителя и жреца. Это соединение постов мы находим везде на ранних стадиях социальной эволюции, и мы наблюдаем его сохранение на поздних стадиях.

На Танна «вождь выступает в качестве верховного жреца»; примерно то же и на других островах этой гряды. Цари Мангаи «были "те ара пиа о Ронго", т.е. "глашатаями, или жрецами Ронго"». У новозеландцев «посты вождя и жреца обычно объединялись и передавались по наследству». «Король Мадагаскара... – верховный жрец королевства». На Сандвичевых островах царь «озвучивал ответы оракула из своего укрытия в глубине плетеной корзины». Об острове Хамфри мы читаем, что местный король «был также и верховным жрецом». Так же обстоит дело у диких народов Америки. «Вожди пуэбло, похоже, являются одновременно и жрецами», – говорит Банкрофт. То же самое мы узнаем от Росса о чинуках и от Хатчисона об индейцах Боливии.

О различных полудивилизованных народах прошлого и настоящего мы имеем аналогичные сведения. Легендарные «основатели цивилизации майя соединяли в своем лице качества верховного жреца и короля». В древнем Перу Инка был верховным жрецом: «как представитель Солнца, он стоял во главе жречества и руководил самыми важными религиозными праздниками». Относительно Сиам Томсон пишет: «Король сам является Верховным Жрецом». Кроуферд сообщает, что король Явы – «религиозный первосвященник». В Китае ритуальные уставы дают императору-первосвященнику «исключительное право поклоняться Небу и запрещают поданным приносить великих жертв». А в Японии микадо был «главой национальной

религии». — Древние документы народов Старого Света показывают нам такую же связь. Египетский царь, глава жречества, был всюду представлен в тамошних памятниках приносящим жертву богу. Ассирийский царь был представлен так же; надписи показывают, что Тиглатпаласар был «верховным жрецом Вавилона».

В еврейских документах мы читаем о Давиде, выполняющем обязанности жреца. В древности так же обстояло дело у арийских народов. У греков, как их описывает Гомер, акты публичного поклонения «всюду совершаются вождями без вмешательства жреца». Спартанские цари были жрецами Зевса; и им давались причитающиеся жрецам привилегии. Так и «в Афинах архонт... забирал в свои функции все, что относилось к религии города. Он был настоящим *rex sacrorum*». А что так же обстояло дело у римлян, «мы узнаем из того, что после упразднения монархии назначался "*rex sacrificulus*" для совершения тех жертвоприношений, которые могли совершаться только царем». Не обделяют нас иллюстрациями и те арии, которые обосновались на севере. У примитивных скандинавов предводитель «был священником и судьей в одном лице»; в былые времена «каждый вождь, поселяясь в каком-то месте, строил собственный двор или храм и сам принимал функции жреца».

Эта связь долгое время сохранялась в модифицированной форме во всей средневековой Европе. Король Гонтран был «словно жрец среди жрецов». Карл Великий тоже обладал в некотором роде качествами верховного жреца: по торжественным случаям он носил на своих плечах реликвии и танцевал перед реликвиями. В действительности эта связь до конца не разрушилась до сих пор (см. прим. 1).

§ 604. Иллюстрируя примитивное тождество правителя и жреца и прослеживая долговременную связь между ними, я помимо воли отклонился от обсуждения этой двойной функции, увиденной в самом начале. Для того, чтобы полностью понять генезис священника в собственном смысле слова, мы должны ненадолго вернуться к ранним стадиям.

Вначале жреческие действия вождя ничем не отличаются от жреческих действий других глав семей. Главы всех семей, образующих племя, каждый по отдельности приносят жертвы своим умершим предкам; и то же самое в отношении своих умерших предков делает вождь. Но как его жреческое качество становится более бесспорным, чем их жреческое качество?

В другом месте я уже предполагал, что, помимо умилоствления духов умерших родственников, члены примитивного сообщества будут в некоторых случаях считать благоразумным умилоствить и духа умершего вождя, который рассматривается ими как превосходящий в могуществе других духов и вполне способный причинить им вред, если те не будут сохранять с ним дружеские отношения, время от времени принося ему жертвы. Выдвигая эту гипотезу, я не располагал никакими доказательствами; теперь в нашем распоряжении имеется убедительное ее доказательство, почерпнутое в книге преп. Даффа Макдональда «*Africana*». Приводимые ниже три выдержки показывают переход от частных священнодействий к публичным священнодействиям у негров Блантайра.

«Насчет деревенских богов мнения расходятся. Некоторые говорят, что каждый человек в деревне независимо от того, родственник он вождю или нет, должен поклоняться предкам вождя. Другие говорят, что человек, не связанный с вождем узами родства, должен поклоняться собственным предкам, иначе их духи принесут ему трудности. Дабы примирить эти авторитетные утверждения, можно упомянуть, что поч-

ти каждый в деревне связан с вождем родственными узами, а если не связан, то из вежливости считается связанным. Любой человек, не связанный родством с вождем деревни, должен вести себя учтиво на всех публичных мероприятиях и признавать деревенского бога; что касается частных молитв... то тут он должен поклоняться духам собственных предков».

«Вождь деревни имеет еще и право на жречество. Ведь боги деревни — его родственники».

«За исключением случая сновидений и немногих подобных частных вопросов, не принято, чтобы к богам обращался кто-либо, кроме деревенского вождя. Он признанный верховный жрец, совершающий молитвы и приношения от имени всех живущих в его деревне».

Итак, здесь мы со всей ясностью видим первую стадию дифференциации от вождя священника в собственном смысле слова — т.е. человека, который служит посредником в общении со сверхъестественным существом не просто от своего имени или от имени только членов своей семьи, но от имени не связанных родством лиц. Разумеется, это такая стадия, на которой, как видно из несогласия между самими людьми, указанная дифференциация еще не завершена. В другой части Африки мы находим ее установленной более определенно. В Ониче на реке Нигер «люди чтят его [короля] как посредника между ними и богами и приветствуют его титулом *Игуе*, обозначающим в языке ибо высшее существо». Схожее положение дел иллюстрируется далекими и не связанными друг с другом народами. На Самоа, где вожди были жрецами, «в каждой деревне был свой бог, и каждый, кто в этой деревне родился, считался его собственностью». Аналогичное установление прослеживалось и у древних перуанцев, хотя они имели более передовую социальную организацию. *Huacas* почитались всей деревней, а *sanoras* — отдельными семьями, и только жрецы разговаривали с *huacas* и приносили им жертвы.

Несколько приведенных из множества примеров, будучи достаточными для иллюстрации начинающегося отделения священной функции от светской, иллюстрируют также всюду подстерегающую нас истину, что как политические, так и религиозные обязанности являются изначально обязанностями преданности, причем почти неотличимыми друг от друга: в первом случае речь идет о преданности живому вождю, во втором — о преданности призраку умершего вождя.

Во избежание недопонимания нужно сделать одно замечание. Этот рост различия между публичным поклонением вождя своему предку и частным поклонением других людей своим предкам, делающий жреческое качество вождя относительно окончательным, может по-разному модифицироваться обстоятельствами. Там, где верность призраку покойного патриарха или основателя племени столь прочно установилась в череде поколений, что он приобретает качество бога, и где вследствие войны или миграции растущее общество дробится настолько, что его члены отделяются от своего вождя и жреца, естественным результатом становится то, что эти разделенные члены общества, продолжая приносить жертвы двойникам умерших родственников, начинают по своей инициативе приносить жертвы и традиционному богу. У древних скандинавов «всякий отец семейства был жрецом в своем доме», где он совершал жертвоприношения Одину.

Так же было у гомеровских греков. В то время как вожди совершали публичные жертвоприношения богам, частные лица тоже приносили им жертвы и произносили молитвы, совмещая это с принесением жертв собственным предкам. У римлян

было то же самое. Даже у евреев, которым возбранялось поклоняться предкам, существование публичных умиротворителей Яхве вовсе не исключало «умения каждого израильтянина» выполнять обряды умилоствления: эти сохранившиеся еще с кочевых времен привычки мешали концентрации жреческой функции.

Но явления этого рода явно относятся к более передовой стадии, а не той первой, на которой, как мы видим, происходит одновременное зарождение бога и священника.

§ 605. Итак, теория призраков, объясняющая многочисленные явления религии вообще, объясняет также генезис жреческой функции и ее первоначальный союз с функцией правителя.

Умилоствительные действия в адрес двойников умерших, совершаемые поначалу всеми их родственниками, а потом главами семей, становятся чем-то иным по характеру, когда начинают совершаться главой самой могущественной семьи. С ростом господства этой могущественной семьи и закреплением представления о том, что призрак ее покойного главы выше других призраков, сначала у некоторых, потом у многих и, наконец, у всех появляется желание умилоствлять его. И это желание рождает со временем привычку совершать жертвоприношения и возносить молитвы ему через его правящего потомка, жреческое качество которого приобретает тем самым окончательную форму.

Теперь мы должны рассмотреть, как в ходе социальной эволюции священническая функция, в течение долгого времени удерживаемая и время от времени выполняемая политическим главой, начинает все более и более выполняться уполномоченным лицом.

Глава VI. Рост жречества

§ 606. В §§ 480 и 504 я вывел умозаключения из того факта, *a priori* очевидного и всюду находящего иллюстрации, что с ростом подвластной вождю территории происходит такое накопление дел, находящихся в его ведении, которое делает необходимым наем помощников; отсюда вытекает привычка часто, а спустя какое-то время и постоянно делегировать кому-то ту или другую из его функций, таких, как военачальник, судья и т.д. К числу функций, более или менее часто таким образом делегируемых, относится и функция жреца.

То, что такое делегирование происходит под давлением обстоятельств, военных и гражданских, мы видим на примере римлян. Поскольку цари не могли всегда присутствовать на жертвоприношениях, будучи вынужденными часто вести войны, Нума (который выполнял, согласно Ливию, большинство священнодействий) «ввел должности жрецов, которые бы заменяли царей, когда последние отсутствовали». И, добавляет далее Н. де Куланж, «римское жречество, таким образом, было всего лишь эманацией примитивной царской власти». Как действуют такого рода причины в простых обществах, мы видим из слов м-ра Макдональда, когда он описывает негров Блантайра. Он говорит: «Если вождя нет дома, обязанности [жреца] выполняет его жена, а если отсутствуют оба, то его младший брат». Имея место в более грубом обществе, где все еще признают кровное родство вождя с богом, этот случай показывает нам лучше примера римлян, как обычно рождается жречество.

Это вверение жреческих обязанностей младшему брату, возникающее здесь временно, становится в других случаях постоянным. О новозеландцах, у которых вожди

очень часто являются одновременно жрецами, мы читаем, что в некоторых случаях жрецом оказывается брат вождя. В Мексиканской империи «верховным жрецом в царстве Аколгуакана [и в царстве Тлакупана], по мнению некоторых историков, всегда был второй сын царя». Так же и в древнем Перу: «у них был верховный жрец, коим был дядя или брат царя либо, по крайней мере, кто-то из законных членов царской семьи». Как видно из последнего примера, когда правитель, еще осуществляющий в особо важных случаях жреческую функцию, не назначает своим постоянным заместителем для совершения обычных священнодействий младшего брата, пост верховного жреца все-таки, как правило, достается кому-то из кровных родственников.

Так, о хкондах мы читаем, что «основные гражданские и священнические посты оказываются изначально объединенными, или, по крайней мере, их всегда занимали члены главной патриархальной семьи». На Таити, где король часто олицетворял бога, получая подношения, приносимые просителями к храму, и выслушивая их мольбы, и где он иногда был жрецом своего народа, «высшим жреческим саном часто обладал кто-то из членов правящей семьи». Дюпюи сообщает, что один из жрецов у ашанти принадлежал к «королевской семье». У наций майя в Америке «верховными жрецами были члены царских семей». Аналогичное соединение существовало в древнем Египте. Сам царь был верховным жрецом, и считалось естественным, что жреческое сословие должно включать его родственников. Бругш, говоря о верховных жрецах Пта, пишет: «Среди них мы обнаруживаем принцев королевской крови. В качестве примера можно назвать принца Хамуса, любимого сына Рамсеса II».

В некоторых случаях жреческие функции вождя выполняют женщины-родственницы. У дамара жрицей является дочь вождя; и, «кроме присутствия на жертвоприношениях, в ее обязанности входит поддержание “священного огня”». У дагомейцев по установленным случаям приносятся жертвы на могилу (обычно могилу короля), и «перед могилой жрица Танси-но, в жилах которой течет королевская кровь, возносит молитву Духу». Похожим образом обстояло дело в древнем Перу, где главная жрица, которая была одной из дев Солнца и считалась его основной женой, «была либо сестрой, либо дочерью правителя». Читая, что у чибча пост жреца, «как и пост касика, наследовал сын сестры», мы можем заподозрить, что такие обычаи были следствием счета происхождения по женской линии. У дамара этот закон счета происхождения сохраняется до сих пор; он явно когда-то был принят и у перуанцев; а высокое политическое положение женщин у дагомейцев предполагает, что когда-то он был законом и для них тоже.

Еще одно основание для предположения этой причины предоставляет тот факт, что в Дагомее и Перу жреческая организация в целом держится в значительной мере на женщинах и что на Мадагаскаре, где счет происхождения ведется по женской линии, тоже есть женщины-жрицы. Разумеется, переход от обычая проследить происхождение через женщин к обычаю проследить происхождение через мужчин, также как и смешение народов, признающих соответственно эти непохожие друг на друга законы счета происхождения, будут вызывать аномалии, как, например, у каренов, у которых деревенскими жрецами являются мужчины, но которые в своем семейном культе предков «требуют, чтобы выполняющим обряды жрецом была женщина, самая старшая в семье».

Это делегирование жреческих функций членам правящей семьи, обычное на ранних стадиях, можно считать нормальной дифференциацией; поскольку богом

является обожествленный предок, то жертвоприношения, совершаемые для него, продолжают осуществляться его потомками. Даже когда происхождение от него не реально или в него уже перестали верить, претензии на это происхождение сохраняются, как, например, в Египте, где царь обычно претендовал на родство с богом и где, как следствие этого, члены его семьи предположительно имели божественное происхождение.

§ 607. Но хотя это происхождение жречества и выделяется как обычное, есть и другие его источники. В одной из предыдущих глав мы увидели, что вначале сколько-нибудь ясного различия между знахарем и жрецом не проводится. Хотя один изгоняет духов вместо того, чтобы их умиловать, а другой относится к ним скорее как к друзьям, нежели врагам, каждый из них все же прибегает время от времени к способам действия другого. Жрец исполняет иногда роль экзорциста, а знахарь иногда пытается их умиловать: пример австралийского знахаря был описан в § 584. У остяков шаманы, то есть знахари, служат также «посредниками между людьми и их богами». Задачи знахаря у гондов — «отгонять злых духов, толковать желания фетиша, вызывать дождь и т.п.» А у куки те же люди, которые должны умиротворять рассерженного и наславшего недуг бога, как предполагается, часто злоупотребляют «влиянием на сверхъестественных деятелей, коим они обладают». Ясно, что здесь есть указания на иное происхождение жречества.

Знахарь обладает свойствами жреца особенно в тех случаях, когда он предположительно приносит племени некоторую пользу, контролируя посредством сверхъестественных существ погоду. Если вспомнить случай Самуила, который, будучи судьей над Израилем, также приносил жертвы Яхве как жрец и благодаря своему влиянию на Яхве управлял погодой (объединяя в себе тем самым должности правителя, жреца и управителя погоды), то мы увидим, как может аналогичным образом сложиться такой же союз функций в других случаях. Такие факты, как то, что у обо вождь является вызывателем дождя, а Сешеле, король бечуана, практикует «дождевую магию», не только подтверждают данное в § 474 доказательство того, что предполагаемая власть над сверхъестественными существами укрепляет могущество политических глав, но и показывают, что в той мере, в какой они обладают функцией получения от сверхъестественных существ пользы для общества, они исполняют жреческие обязанности.

В других случаях в племени складываются культы обожествленных лиц, которые не были связаны с обожествленным вождем родственными узами, но по той или иной причине оставили после себя внушающую благоговение репутацию. Хислоп рассказывает об одном гонде, который похвально чудесными способностями; тот «воздвиг священный курган манам своего отца, обладавшего схожим даром, и использует благоговение, притягивающее людей к этому месту, как средство для вымогания денег у обманутой королевы»; частично деньги тратятся на жертвоприношения «его обожествленному предку», остальные он присваивает себе. Сэр Альфред Лайалл в своих «Азиатских исследованиях» приводит разные примеры этого спорадического рождения новых божеств, вполне способных породить и своих жрецов.

Отсюда, видимо, логично заключить, что на ранних стадиях от случая к случаю появляются люди, не являющиеся потомками предка вождя, которые приобретают квазижреческие черты и могут даже успешно заменить собой жрецов нормального происхождения. Особенно такая узурпация вероятна, когда вследствие миграции

или войны образуются фрагменты общества, не содержащие внутри себя потомков традиционного бога.

§ 608. Пока остается нераздельной общность, покойный родоначальник которой превратился в бога деревни, умиротворяемого от лица его потомков его ближайшим родственником из их числа, служащим также посредником для других глав семей, поклоняющихся соответственно своим предкам, никакого прогресса в развитии жречества скорее всего не будет. Но как только рост численности делает необходимым разделение сообщества на части, появляется дальнейшая дифференциация. Как она возникает, хорошо видно из утверждения Андерсона относительно дамара: «Часть такого огня [священного огня] также передается главе крааля, который собирается отделиться от крааля вождя. Обязанности весталки возлагаются тогда на дочь эмигранта».

Очевидно, что когда умерший правитель или какой-то иной видный член племени стал традиционным богом, достигшим столь прочного признания, что умиловление его стало императивом, мигрирующие части племени, перенося с собой свой культ, должны иметь кого-то для совершения обрядов от их имени. Всегда есть вероятность того, что отделившаяся группа будет содержать родственников вождя родительского племени, а следовательно, потомков — прямых или по боковой линии — почитаемого бога; и на одного из них, в силу наибольшего возраста или наиболее близкого родства, скорее всего ляжет эта функция. И поскольку причины, определяющие этот выбор, обычно определяют также наследование этой функции, генезис жреческой касты становится нам ясен. Свет на этот вопрос проливает сообщение Хислопа, что хотя у гондов нет жрецов, у них все же есть «люди, которые в силу предполагаемого наличия у них высших способностей или в силу их наследственной связи со священным местом считаются уполномоченными брать на себя главенство в поклонении». Курс, принимаемый в некоторых случаях данным изменением, демонстрируют нам санталы. Хантер говорит:

«Два из племен более явственно посвятили себя религии и выдвигают из своих рядов подавляющее большинство жрецов. Одно из них представляет религию штата, основанную на семейном базисе и находящуюся под управлением потомков пятого сына, исходного семейного жреца... В некоторых местах, особенно на севере, потомки второго сына... считаются лучшими жрецами, чем потомки пятого... Это по большей части прорицатели, кудесники и левиты, совершающие богослужения в лесных или прочих храмах, представляющих поклонение демонам; и лишь в немногих местах они занимают место пятого племени».

Таким образом, условия, ведущие к дальнейшему росту жречества, создаются не только распространением растущего племени в новые среды обитания; такие же по типу условия производятся расширением племени завоевателей и утверждением его членов как правителей над подчиненными племенами. Так же, как устанавливаются при этом локальные правительства, устанавливаются и локальные отправления приносимого завоевателями культа. Как типичный можно взять случай перуанцев. Род Инки, покорив туземные роды и оставив в неприкосновенности их религии, просто поставил над ними свою религию. Отсюда потребность в повсюду рассредоточенных ее представителях. «Главным жрецом (или епископом) в каждой провинции был Инка, заботившийся о том, чтобы жертвоприношения и церемонии соответствовали правилам, принятым в столице». А так как религией Инки было поклонение Солн-

цу, считавшемуся предком, и функции верховного жреца по случаю важных праздников выполнял его предположительно самый прямой потомок, а именно сам царь, тогда как другие главные жрецы были «все как на подбор инками королевской крови», то становится ясно, что это учреждение местного жречества инкской крови иллюстрирует развитие жреческой касты из поклоняющихся предку членов семьи завоевателя.

§ 609. Для подтверждения предшествующих выводов можно было бы добавить еще другие сведения, показывающие, что в племенах, ведших мирную жизнь, где значительные шаги вперед делались без учреждения сильных личных правительств и, следовательно, без возвышения обожествляемых вождей, служивших деревенскими богами, наблюдаются лишь слабые признаки выделения жреческого класса. У бодо и дхималов, например, жреческий пост не наследуется, и его занимают самые старшие по возрасту.

Но проследивать рост жречества дальше было бы вряд ли практично и не очень полезно. Многочисленные виды влияний стремятся всюду тем или иным образом усложнить примитивный ход развития. Хотя мы видим, что поклонение духу умершего вождя, поначалу совершаемое его наследником, поручается в отсутствие его наследника младшему брату; хотя мы видим, что временное принятие этой функции братом или другим членом семьи стремится стать постоянным там, где круг обязанностей вождя возрастает; хотя мы видим, что мигрирующие части племени обычно сопровождает кто-то из прямых или побочных потомков деревенского бога, несущих с собой культ и выполняющих его обряды, и что там, где завоевание соседних сообществ ведет к расширению правления, политического и церковного, члены правящей семьи становятся местными жрецами, — мы находим действие многочисленных причин, которые заставляют этот процесс отклоняться от стандарта.

Помимо влияния, которое предположительно оказывает на сверхъестественных существ вождь или его родственник-жрец, есть еще конкурирующее влияние, приписываемое колдуну или заклинателю дождя. Кроме того, от случая к случаю племя объединяется пришлым чужаком, который благодаря превосходящему знанию искусств внушает благоговение; и либо из его учений, либо из его обожествления может вырасти дополнительный культ. Более того, сам лидер мигрирующей части племени, если ему удастся каким-то особым образом отличиться, чаще всего становится после смерти объектом культа, конкурирующего с традиционным культом и, возможно, кладущего начало еще одному жречеству. Таким образом, колеблющиеся условия даже на ранних стадиях обычно создают различные модификации в церковной организации.

Но возникающие таким образом усложнения невелики в сравнении с другими, провозвестниками которых они являются и на которые мы теперь можем направить свое внимание.

Глава VII. Политеистическое и монотеистическое жречество

§ 610. Рудиментарная форма политеистического жречества уже была представлена в предыдущих главах. Ведь неразвитый политеизм и связанное с ним зачаточное жречество есть везде, где в образующих племя семьях с культом обожествленного основателя племени сосуществует поклонение их соответствующим предкам. Принципиальной противоположности между ничем не приметными призраками и

выдающимися богами в умах людей нет; есть лишь разница в их могуществе. На первой стадии, как и на позднейших более высоких, мы находим среди менее значительных сверхъестественных существ превосходящее их сверхъестественное существо, но умиловивляют их всех одинаковыми обрядами.

Возникновение того, что обычно выделяют как политеизм, происходит несколькими способами; среди них можно отметить два наиболее важных.

Первый из них сопутствует разделению и расселению племен, которым перестает хватать их наличных средств жизнеобеспечения. Внутри каждого отделившегося подплемени со временем появляется какой-то выдающийся вождь или знахарь, чей внушающий ужас призрак, умиловивляемый не только его потомками, но и другими членами подплемени, становится новым местным богом; и там, где сохраняется культ, который подплемя при отделении унесло с собой, в каждом подплемени, вдобавок к поклонению более древнему богу, общему для расширяющейся группы подплемен, будет вырастать поклонение своему особому, более современному богу. Следы этого процесса мы находим во многих местах.

В качестве типичного примера можно привести то, что мы читаем о малагасийцах. У них есть боги, которые принадлежат «соответственно разным племенам или подразделениям туземцев, и считается, что они являются защитниками и благодетелями, или титульными богами, этих конкретных кланов или племен. Четыре из них считаются возвышающимися над всеми другими», и это общественные, или национальные боги. Эллис к этому добавляет, что боги одной провинции обладают малым весом, или авторитетом, для жителей другой провинции. В качестве далекого во времени примера можно взять древних египтян. Номы, или первоначальные подразделения, из которых состоял Египет, обладали «наибольшей древностью»; их границы были очень точно определены в надписях на древнейших монументальных сооружениях. «В каждом районе имелось главное место, где проживал [наследственный] губернатор, наслаждавшийся покровительством и культом особого божества, святилище которого составляло центр религиозного поклонения района». Нет нужды показывать, что описания других древних народов поставляют нам такие же свидетельства. И, конечно, параллельно этому процессу происходит рост жрецов, одни из коих посвящены местным, а другие общим культам — с вытекающими отсюда различиями в достоинствах. Так, о египетских жрецах мы читаем:

«А некоторые, занятые служением определенным богам, обладали рангом, намного возвышавшим их над остальными; и на жрецов великих богов смотрели с гораздо большим почтением, чем на жрецов божеств не столь значительных. Во многих провинциях и городах жрецы, прикрепленные к отдельным храмам, были в большем почете, чем другие».

Генезис политеизма — а также генезис политеистических жрецов, не менее, а, может быть, и более важный, чем первый, но вместе с тем нередко, как в последнем случае, почти неотличимый от него, — сопровождает завоевание. Покорение племен и племенем и нации нацией, происходившее всегда и всюду, с необходимостью вело к насаждению ими друг другу своего культа; все они в большинстве случаев были уже усложнены предшествовавшими процессами подобного рода. Не разрушая культов покоренных, завоеватели приносят им собственные культы — либо отправляя их только в своем кругу, либо заставляя покоренных к ним присоединиться, но в любом случае умножая разновидности жрецов. Сохранение культов пеласгического происхождения среди греческих культов дает ранний пример этого в Европе.

Позднейшие примеры дают римляне. «Как государство-завоеватель, Рим постоянно впитывал в себя религии покоренных племен. Взяв в осаду какой-нибудь город, римляне обычно торжественно вызывали обитавших в нем божеств». Этот же процесс наблюдался в обществах древней Америки. «Верховные жрецы Мексики были религиозными главами только среди мексиканцев, но не среди других покоренных народов: те... сохраняли свое независимое жречество». Так же обстояло дело в Перу.

«Инки не лишали вождей их господства, но в долине поселялся их представитель, и местным жителям велели поклоняться солнцу. Поэтому строился храм, и в нем жило много дев и жрецов для проведения праздников. Но несмотря на то, что храм солнца занимал такое важное положение, местные жители не переставали поклоняться также и в своем древнем храме Чинчаикамы».

Из дополнительных, менее важных причин усложнения можно назвать три. Одной из них является распространение репутации локальных божеств с вытекающим отсюда возведением храмов в их честь в местах, к которым они не принадлежат. Хорошим примером будет Эскулап, поклонение которому как локальному предку и знахарю родилось в Пергамоне, но по мере превращения его в божество стало распространяться на восток и на запад и в конце концов утвердилось в Риме. Другая дополнительная причина, хорошо иллюстрируемая древним Египтом, — обожествление могущественных личностей, создавших жречество для поклонения их призракам. И третья — это происходящее время от времени обожествление тех, кто по той или иной причине поражает народное воображение своей примечательностью. Она и сейчас еще действует в Индии. Сэр Альфред Лайалл проиллюстрировал ее в «Азиатских исследованиях».

§ 611. Частое зарождение новых культов и продолжающееся после этого сосуществование множества культов, каждый из которых имеет свой жреческий аппарат, хотя и является, как мы с вами здесь увидели, нормой, многим кажется аномалией. Переноса современные представления назад, на толкование древних обычаев, писатели рассуждают о «терпимости», проявляемой римлянами, когда они оставляли в неприкосновенности религии покоряемых ими народов. Но если взглянуть на дело с их точки зрения, а не с нашей, то это отношение к местным богам и их жрецам было совершенно естественным. Если повсюду из поклонения предкам как корня вырастали культы известных основателей племен и традиционных прародителей целых локальных родов, то отсюда следует, что завоеватели должны были естественным образом признавать местные культы покоренных, привнося одновременно свои собственные. Из универсально принятой веры следовало, что боги побежденных так же реальны, как и боги победителей.

Создается бесчисленное множество интерпретаций. Обычно в древнем мире завоеватели и колонисты принимали меры по умилоствлению местных богов. Все, что им приходилось о них слышать, укрепляло их в убеждении, что те обладают могуществом в своих местностях и могут причинить вред, если им не молиться или их не благодарить. Видимо, отсюда вытекает тот факт, что египтянин Нехао принес жертву Аполлону по случаю победы над Иосией, царем Иудеи. Отсюда же, если взять пример из далекого региона, тот факт, что перуанские Инки, будучи сами солнцепоклонниками, следили за тем, чтобы приносились жертвы различным *huacas* покоренных народов, «потому что боялись, что если кем-то пренебречь, то они придут в ярость и обрушат кару на Инку».

В каких-то случаях сосуществование разных культов поддерживалось верой в то, что если преданность каждого человека его особому божеству или божествам обязательна, то поклоняться божествам, принадлежащим согражданам иного происхождения, ему не требуется, а то и вовсе непозволительно. Так, в древние времена в Греции «благодаря сочетанию разных форм религиозного поклонения Афины стали столицей, а Аттика – единым целым. Но... Аполлон все еще оставался богом благородных граждан, а его религия – стеной, разделявшей людей... По плану Солона, это нужно было изменить... Каждому свободному афинянину принадлежали отныне право и обязанность приносить жертвы Аполлону».

Все эти факты ясно говорят о том, что не только зарождение политеизма, но и долгое его сохранение и вытекавшее отсюда сохранение жречества, посвященных разным богам, являются следствиями примитивного поклонения предкам.

§ 612. Но если на ранних стадиях политеизма откровенные попытки подчинить один культ другому еще не так заметны, то далее обычно возникает конкуренция, и она есть первый шаг к такому подчинению.

Чувство вроде того, что выказывают порой мальчишки, похваляясь друг перед другом силой своих отцов, заставляет людей на ранних стадиях преувеличивать силы и способности своих предков в сравнении с силами и способностями, которые проявляют предки других; и между племенами то тут, то там непременно возникают споры по поводу относительного величия их обоженных прародителей. Такое положение дел было на Фиджи, когда его впервые описали миссионеры: «Каждый район борется за превосходство собственного божества». У евреев их вера тоже явно противопоставлялась верованиям соседних народов: наш бог более велик, чем ваш. Без отрицания существования других богов, кроме собственных, утверждалось превосходство собственных.

Так же и в Греции: религиозное состязание между городами и желание возбудить зависть числом людей, собирающихся на жертвоприношения их божествам, предполагали борьбу между культурами – борьбу, ведущую к неравенству. Такие влияния, как те, что привели к верховенству Олимпийских празднеств над другими схожими празднествами, всегда были направлены к тому, чтобы дать каким-то богам и их священникам более высокий *статус*, чем другим.

Исходя из того, что религия в ее первичном аспекте есть выражение преданности – проявляемой вначале к живому патриарху или герою-покорителю, а затем к его призраку, – следует ожидать, что причины, меняющие степень и масштабы верности начальнику, пока он еще жив, будут схожим образом модифицировать и преданность его духу после его смерти. Насколько тесно связаны эти два вида верности, мы видим, например, в таком факте, что у санталов при заключении брака невеста должна отказаться от своего клана и его богов ради клана и богов мужа; это напоминает слова, сказанные Ноем Руфи: «невестка твоя возвратилась к народу своему и к своим богам», – и ответ Руфи: «народ твой будет моим народом, и твой Бог моим Богом» (*Риф.* 1, 15-16).

Поняв таким образом суть дела, мы видим, как естественным образом оказывается, что в точности как некоторые подданные живого вождя, по той или иной причине недовольные его правлением, будут покидать его и отдавать свою преданность вождю соседей (§ 452), так у политеистических народов тот или иной мотив может способствовать уменьшению числа прихожан храма одного бога и увеличению их

числа в храме другого. Разочарования вроде тех, что приводят к побитию дикарями собственных идолов, когда в ответ на жертвоприношения идолы не дали того, чего от них хотелось, у некоторых чуть более развитых народов будут вызывать отчуждение от божества, оказавшегося глухим к мольбам, и умилоствление божества, от которого с надеждой ждут большей уступчивости. Даже в наши дни потоки пилигримов, со всех концов стекающиеся в Лурд, показывают нам, как распространение веры в какое-то мнимое чудо может дать начало новому культу или придать новую силу старому. Как со святыми, так и с богами: в обоих случаях результатом становятся градации. От случая к случаю к возвышению одних культов над другими приводят опять же и политические влияния. Куртиус пишет о Греции:

«Еще одним религиозным культом, который тираны подняли на новый уровень значимости, был культ Диониса. Этот бог крестьянства повсеместно противопоставляется богам рыцарских домов, и потому ему благоволители все правители, стремившиеся подорвать могущество аристократии».

В основном, однако, неравенство приписываемых богам сил там, где их сосуществует много, обязано завоеваниям. Военные занятия, устанавливающие градации рангов среди живых, устанавливают градации рангов и среди почитаемых мертвых. Обычно мифологии рассказывают о победах, одержанных богами; обычно они описывают бои между самими богами; и обычно они изображают главного бога существом, силой завоевавшим превосходство. Эти особенности пантеона — результат обожествления вторгшихся завоевателей и тех узурпаций, которые то тут, то там приходится наблюдать среди их лидеров. И, очевидно, покорение одних народов другими и вытекающее отсюда превознесение одного пантеона над другим должны быть главной причиной различий в могуществе между высшими и низшими божествами, а также резкой разницы в значимости между соответствующими культурами и жречествами.

§ 613. Со временем результатом этого при благоприятных условиях становится тяготение к монотеизму. Правда, в течение долгого времени в умах политеистического народа может продолжаться то обостряющийся, то затухающий конфликт между верованиями, касающимися относительного могущества их богов. Профессор Макс Мюллер пишет о древних ариях: «В многочисленных гимнах Вед легко обнаружить пассажи, в которых едва ли не каждый из богов представляется высшим и абсолютным... Агни называют правителем мира; ...Индра превозносится как сильнейший из богов, ...а в одной из песен звучит лейтмотивом, что... Индра — самый великий из всех. О Соме говорится, что... он покоряет каждого». Относительно древних египтян тоже установлен аналогичный факт. Не знающий меры язык поклоняющихся приписывает то этому божеству, то другому, а порой и живому царю настолько запредельное величие, что складывается впечатление, будто не только другие вещи, но и все другие боги существуют через него.

Меж тем положение «отца богов и людей» в конце концов незыблемо укореняется в умах верующих; и если это положение впоследствии кем-то узурпируется, то узурпация не уменьшает тяготения к монотеизму, а, наоборот, его усиливает; ибо появляется идея божества, более могущественного, чем все, в которых верили раньше. До каких ничтожных размеров признание превосходства за завоевателями и, соответственно, за их богами сводит богов покоренных народов, показывают древние перуанцы. Гарсиласо рассказывает, что, по слухам, индейские племена покоря-

лись иногда из восхищения перед высшей культурой инков; одним из сопутствующих обстоятельств была обязанность присоединиться к культуре инков. Кроме того, Геррера говорит о самих инках:

«Когда они увидели, что Испанцы делают своды моста на осевых спицах и убирают их, когда строительство моста закончено, все они разбежались, думая, что мост сейчас рухнет; но как только они убедились, что мост стоит как ни в чем не бывало, а Испанцы по нему прогуливаются, Касик сказал: “Не что иное как Справедливость служит этим людям, которые Дети Солнца”».

Разумеется, выраженная здесь установка вела к принятию верований и культуры испанцев. И такие умственные завоевания, часто повторяющиеся в эволюции человеческих обществ, ведут к поглощению местных и почитаемых менее важными сверхъестественных деятелей более великими и более общими.

Особенно успешно идет такое поглощение, когда некто, отличавшийся в бытность его живым правителем страстью к покорению соседних народов, оставляет, покинув этот мир, неосуществленные планы завоевания, а затем уже его призрака умиляют расширением его владений. Как видно из одной ранее приводившейся выдержки, так было с ассирийским богом Ашшуром (§ 600). И так же обстояло дело с еврейским богом Яхве, о чем свидетельствует «Второзаконие» (20, 10-18):

«Когда подойдешь к городу, чтобы завоевать его, предложи ему мир.

Если он согласится на мир с тобою и отворит тебе ворота, то весь народ, который найдется в нем, будет платить тебе дань и служить тебе.

Если же он не согласится на мир с тобою и будет вести с тобою войну, то осади его,

И когда Господь, Бог твой, предаст его в руки твои, порази в нем весь мужеский пол острием меча...

А в городах сих народов, которых Господь, Бог твой, дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души;

Но предай их заклятию...»

С самого начала мы видим, что, уже начиная с двойника обычного умершего человека, сверхъестественным существам вообще приписывается такая характерная черта, как ревность. Призраки, которым не приносят должных жертв, воспринимаются как злокозненные и готовые обрушить свою месть на живых; о богах, чьи святилища были обойдены вниманием и на чьи праздники не совершалось надлежащих жертвоприношений, говорят, что они сердятся, и их считают источниками всяческих несчастий; и если один из них происходит от правителя, у которого была ненасытная жажда власти и призрак которого считается ревнивым богом, не терпящим признания никаких других богов кроме него, то он, если его приверженцы начинают преобладать, обычно кладет начало культуре, подавляющему все другие культуры.

Разумеется, рука об руку с таким движением к монотеизму идет такое же движение к унификации жречеств. Официальные умиротворители маловажных божеств убывают в числе и пропадают, тогда как официальные умиротворители божества, которое стало считаться самым могущественным или обладателем всего могущества, занимают повсюду прочное положение.

§ 614. Эти влияния, ведущие к развитию монотеизма из политеизма, — а именно влияние прогрессирующей культуры и сопутствующего ей развития способности к рассуждению — усиливаются друг другом. Молина говорит, что Инка Иупанки «понимал это настолько ясно», что заключил, что Солнце не может быть творцом, но

должен быть «кто-то, кто его направляет», и приказал воздвигнуть храмы в честь этого предполагаемого творца. Так же и в Мексике «Нецалхуаткоиотль, владыка Тескуко», разочаровавшись в своих молитвах старинным идолам, заключил, что «должен быть какой-то бог, невидимый и неведомый, который все сотворил», и построил девятирусный храм «Неведомому Богу, Причине Причин». Из народов, никак с ними не связанных, мы находим такие же результаты у греков. В платоновских диалогах рядом с отвержением вульгарных концепций, ходящих среди людей необразованных, шли доводы, явно предполагавшие движение в сторону монотеизма. А если сравнить идеи еврейских пророков с идеями древних евреев и идеями большинства современных им евреев, то становится ясно, что одной из причин еврейского монотеизма был умственный прогресс.

Можно еще заметить, что у высших умов движение к монотеизму, однажды начавшись, происходит со все большей энергией. По мере того как все больше упрочивается верховенство одного сверхъестественного деятеля, появляется и крепнет мысль, что могущество, коим обладают другие сверхъестественные деятели, принадлежит им с его позволения. Теперь их начинают понимать как уполномоченных представителей, которым доверены не им принадлежащие силы; и по мере того как Причина Причин занимает в мышлении все больше места, вторичные причины все более из него улечувываются.

§ 615. Чтобы правильно понять эволюцию монотеизма и сопутствующих ему церковных институтов, мы должны принять во внимание ряд влияний, которые ее определяют.

Самые первые тенденции к превознесению высшего божества чаще всего оказываются бесплодными. Как верховное главенство на ранних стадиях социальной интеграции зачастую бывает лишь временным и власть, обретенная вождем-завоевателем, нередко утрачивается его преемником, так же обычно бывает недолговечным и присуждаемое главенство среди богов. Причин для этого мы можем усмотреть не одну, а несколько. ? Двойник умершего, понимаемый поначалу как существующий временно, начинает пониматься как существующий постоянно только там, где обстоятельства способствуют воспоминаниям о нем; и так же верховенство среди призраков или богов требует для своего поддержания того, чтобы хорошо сохранялись предания и чтобы общество (social state) неукоснительно соблюдало обряды. Во многих местах эти условия не выполняются в полной мере. Отмечая угасание преданий у команчей, Скулкрафт говорит: «Сомневаюсь, чтобы у них сохранились имена кого-либо из их вождей в четвертом восходящем поколении». А когда в 1770 г. Кук высадился на берег Новой Зеландии в пятнадцати милях от того места, которое за 128 лет до него посетил Тасман, он не нашел ни одного предания об этом событии. Так что хотя везде и есть изначально тенденция к тому, чтобы старейший из известных прародителей становился главным богом, все же, как показывает случай Ункулункулу у зулусов, это главенство среди сверхъестественных существ чаще всего стирается из памяти и в расчет принимаются лишь позднейшие главенства.

Следующей причиной, препятствующей неизменности пантеона, является возвышение узурпаторов или людей, которые благодаря успехам в войне или иным достижениям настолько сильно запечатлелись в людских умах, что сделали сравнительно слабыми впечатления, взятые из преданий о более древних обожествленных людях. Примером служит обречение превосходства Кроносом над Ураном, а затем

Зевсом над Кроносом. Во времена, когда обожествление является обычным процессом, есть очевидная тенденция к таким заменам. ? Между тем, в изменениях небесного руководства и изменениях руководства земного можно заподозрить еще одну аналогию. Обсуждая политические институты, мы видели, что власть часто переходит из рук верховного правителя в руки главного министра, через которого поступает вся информация и исполняются все приказы.

Таким же образом и второе по значимости сверхъестественное существо, которое воспринимается верующими как посредник между ними и главным сверхъестественным существом и к которому в этом его качестве они постоянно обращаются с просьбами о заступничестве, представляется вполне способным занять главное положение. Дева Мария у католиков, к которой обычно обращаются в молитвах, стремится выйти в сознании на первый план; титул «Богоматерь» неявно предполагает своего рода превосходство; и теперь в Ватикане можно увидеть картину, на которой она представлена вознесенной над лицами Троицы.

Еще один факт, который необходимо упомянуть в связи с эволюцией монотеизмов из политеизмов, — факт, хорошо согласующийся с гипотезой, что они эволюционировали именно таким образом, но не согласующийся при этом с другими гипотезами, — состоит в том, что они не обретают завершенности или, по крайней мере, не сохраняют своей чистоты. Я уже ссылался на истину, вполне очевидную, хотя обычно и игнорируемую, что иудейская религия, будучи номинально монотеистической, сохранила в себе солидную примесь политеизма. Архангелы, осуществлявшие власть каждый в своей сфере и способные даже на восстание, были по сути полубогами, соответствующими фактически, пусть и не по названию, низшим божествам из других пантеонов. Более того, из производных вероисповеданий то, которое выделяют как веру в догмат Троицы, частично политеистично; еще заметнее были признаки политеизма в театральных мистериях средневековья. Мало того, даже верой в дьявола, понимаемого как самостоятельное сверхъестественное существо, предполагается сохранение политеизма. Чистый монотеизм принят только передовыми унитариянами и теми, кого называют теистами.

Далее можно заметить, что там, где политеизм в его изначальной форме более или менее окончательно вытесняется монотеизмом, он обычно возрождается в новом обличье. Хотя последователи Магомета проливали свою и чужую кровь с целью установить повсюду поклонение одному богу, среди них самих снова вырос культ менее значительных богов. Не только бедуины приносят жертвы на могилах святых, но и у более цивилизованных магометан существует поклонение умершим святым в возводимых в их честь храмах. Схожим образом во всем средневековом христианском мире канонизированные священники и монахи образовывали новый класс низших божеств. Как ныне на Фиджи «едва ли не каждый вождь имеет бога, которому он особенно доверяет», так и несколько веков назад у каждого рыцаря был свой святой-покровитель, на помощь которого он рассчитывал.

То, что модификации церковных институтов являются следствием такого рода причин, в достаточной степени демонстрируется фактом, настолько всем известным, что мы не замечаем его значения, а именно тем, что церкви посвящают святым или называют их именами и такие церкви, «какие строили над могилой какого-нибудь мученика или называли его именем для сохранения памяти о нем, имели обычно отличительный титул *Martirium*, *Confesso* или *Memoria*, даваемый им по этой са-

мой причине». Можно даже предположить, что эти обычаи были скорее пережитками, чем обновлениями; ибо, как говорит Мосгейм, раннехристианские епископы принимали их сознательно, полагая, что «люди с большей готовностью воспримут христианство», если «увидят, что *Христос* и мученики почитаются так же, как раньше почитались их боги». Но с какой бы стороны мы ни посмотрели на эти факты, они показывают, что монотеизм и сопровождающие его священнические установления не достигли своей завершенности.

Примечания

1. То, что большинство людей, прочитав, что Мельхиседек был жрецом и царем, оказываются поражены этой связью как аномальной, хорошо иллюстрирует качество нынешнего образования. Когда, как мне только что довелось узнать, священник, экзаменуя молодых девушек на конфирмации, упоминает это сочетание характеров как удивительное, тогда как на самом деле это обычное их сочетание, мы можем судить о том, насколько широко преобладает невежество в основных истинах истории обществ – невежество, идущее рядом со знанием тех многочисленных тривиальностей, которые формируют учебники истории и оценки в экзаменационных листах. Но наш многоголовый политический папа, столь же готовый предписать систему образования, как некогда церковный папа был готов объяснить Галилею строение Солнечной системы, считает благом, чтобы наши дети (пусть даже эти уроки несут дополнительный вред здоровью) учили, на какой женщине женился тот или этот король, кто командовал тем или иным сражением, как был наказан этот бунтовщик или тот конспиратор и т.п., в то время как они остаются в совершенном неведении относительно ранних стадий развития основных институтов, в условиях которых они живут.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Продолжение следует